

А.В. Квакин, профессор Кафедры истории Российского государства ФГУ

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРНО-МИГРАЦИОННАЯ СИСТЕМА

План и программа спецкурса для студентов ФГУ

Пояснительная записка

Ряд обстоятельств вызывает необходимость создания спецкурса, основанного на анализе культурно-исторического опыта российской эмиграции и освещении проблем эмиграции, связанных с современным положением отечественной диаспоры. Широкий диапазон факторов определяет актуальность проблемы.

В первую очередь необходимо отметить, что в связи с современными политическими событиями на территории бывшего Советского Союза некоторая часть наших соотечественников, во многом неожиданно для себя, оказалась за пределами российского государства, в странах так называемого «ближнего зарубежья». При обилии конкретных, частных вариантов установления отношений российской диаспоры с новой национальной государственностью лимитрофов перед новыми «иностранцами поневоле» неизбежно встают вопросы о консолидации российской диаспоры, сохранении связи с отечественной культурой, поддержании в диаспоре российских культурных традиций. Решить многие проблемы, порожденные данной ситуацией, невозможно без обращения к историческому опыту носителей культуры в Российском Зарубежье.

Кроме того, эмиграция из России, начавшаяся задолго до 1917 г., продолжается и в наши дни. Статистика свидетельствует о том, что среди лиц, выезжающих на постоянное жительство за пределы России, преобладают лица интеллигентских специальностей. Назрела необходимость осознания культурной миссии российской эмиграции в общецивилизационном процессе, рассмотрения отдельных этапов или «волн» эмиграции, их адаптации к новой социокультурной среде как звеньев единого социокультурного явления.

Данная проблематика, несомненно, нуждается во всестороннем и систематическом исследовании, ибо до сих пор лишь частично затрагивалась в нескольких исторических и культурологических работах. В настоящее время, благодаря ломке прежних исторических и культурологических парадигм, расширению возможностей для методологического и источниковедческого анализа, сложились благоприятные условия для проведения подобного исследования.

Вплоть до последних лет научные исследования, посвященные проблемам российской эмиграции, ее культуре и зарубежной отечественной интеллигенции, выражали две тенденции: советскую и антисоветскую. Советская публицистика 1920 -- 1930-х гг. и первые исторические исследования, появившиеся в 1960-е гг., как правило, однозначно рассматривали Российское Зарубежье как полностью негативную силу, противостоящую «государству победившего социализма». В трудах В.В. Комина, Л.К. Шкаренкова, Ю.В. Мухачева, Г.Ф. Барихновского, А.Л. Афанасьева, В.В. Сонины и других советских исследователей 1960 -- 1980-х гг. материал почти всегда был чрезмерно политизирован, доминировал жесткий «классово-партийный подход». Однако за счет введения в научный оборот большого фактического материала этим исследователям частично удалось сломать прежний стереотип, согласно которому «контрреволюционная эмигрантщина» вообще не заслуживает серьезного внимания «передовой советской исторической науки». Сосредоточившись на политических оценках, эти исследователи не имели реальной возможности уделить должное внимание изучению носителя и создателя российской культуры в Российском Зарубежье — отечественной интеллигенции. А в работах советских исследователей, посвященных истории российской интеллигенции, как правило, рассматривалась культурно-историческая ситуация только внутри страны. В 1970-е гг. лишь С.А. Федюкин смело вторгся в прежде запретную тематику истории российской интеллигенции в рассеянии, хотя и ему не удалось преодолеть в отношении интеллигентов-эмигрантов прежние стереотипы «классово-партийного подхода»¹.

Многие десятилетия советская историография развивалась в условиях изоляции от исследований сходной тематики в зарубежных странах, обращение к работам иностранных специалистов и историков-эмигрантов чаще всего носило характер «критики клеветнических измышлений буржуазных фальсификаторов». Однако размытие идеологических барьеров в конце 1980 -- начале 1990-х гг. позволило не только установить контакты с зарубежными коллегами, но и осознать предвзятость многих прежних оценок, надуманность всех идеологических концепций в отношении истории Российского Зарубежья. Расширился круг исследователей эмигрантской тематики, создано несколько центров по изучению истории российской диаспоры, прошло несколько конференций, в том числе и международных, на которых рассматривался вклад российских эмигрантов в мировую культуру. В последние годы появились исследования, авторы которых сосредоточили свое внимание на достаточно конкретных исторических сюжетах². Одновременно растет поток скорее публицистической, чем исследовательской литературы, где рассуждения о

судьбе российского рассеяния ведутся без серьезного объективного анализа и используются в конъюнктурной политической полемике.

Разительные перемены за последние годы произошли не только в исследовательской ситуации, но и в умонастроениях как авторов культурно-исторических изысканий, так и читателей. От глухого зашоривания («эмиграция не стоит того, чтобы ее изучать»), через декларацию объективизма в оценке истории Российского Зарубежья («с одной стороны..., с другой стороны...») к идеализации русского рассеяния («истинная Россия оказалась вне России») — приблизительно так можно было бы обозначить период перехода отечественной историографии от развитого социализма в сегодняшний день. Вчерашний миф советской историографии об «агонии эмигрантской контрреволюции», о «кризисе творчества в Зарубежье», о «всепоглощающей ностальгии в рассеянии», кажется, уже забыт. Советские авторы 1960 -- 1980-х гг., чьи работы по истории эмиграции пользовались бешеной популярностью, похоже, вычеркнуты из списка исторической литературы, заслуживающей внимания. Забвение, постигшее работы этих исследователей, чем-то сходно с ситуацией умолчания вокруг эмигрантских авторов, чьи труды вышли из небытия спецхранов библиотек к широкому читателю именно благодаря усилиям ныне отвергнутых исследователей. Складывается впечатление, что знакомство с комплексом источников эмигрантского происхождения всегда естественным образом входило в багаж отечественного историка, хотя в советской историографии 1960 -- 1980-х гг. был период «проталкивания» на страницы исторических трудов материалов, извлеченных из широкого круга эмигрантских источников. Тогда же очень узкая группа отечественных историков открыла для читателей документы Русского заграничного исторического архива (РЗИА) под малопонятным обозначением «Коллекция ЦГАОР», спецхрановскую эмигрантскую литературу и периодику. Столь масштабные «провалы памяти» у историков 1990-х гг. заставляют задуматься об искренности их резкой идейно-политической переориентации.

Сегодня список исторических бестселлеров не только у массового читателя, но и у историков-профессионалов часто открывают «свободные эссе» публицистов-филологов В.В. Костикова и М.В. Назарова, без ложной скромности называющих свои книжки «первой попыткой непредвзятого рассказа о русской эмиграции»³. К масштабной атаке на «белые пятна» эмигрантской истории пробудилось многочисленное племя эмигрантоведов, многие из которых еще недавно подвизались на партийно-коммунистической ниве. Возможно, именно поэтому они категорически отвергают «по идейным соображениям» все предшествовавшие советские исследования. Примечательно в этом отношении, что в работах, сориентированных на использование лишь зарубежных источников, как

правило, высказывается пренебрежительное отношение к работам отечественных историков 1960 -- 1980-х гг., игнорируется источниковая база, использовавшаяся советскими исследователями.

Однако и многие зарубежные исследователи до последнего времени чаще всего пренебрегали историей духовного развития российской эмиграции, социокультурных процессов в русской диаспоре. Кроме того, на многие такие работы до сих пор оказывают влияние идеологические установки антисоветских центров эмиграции. Одной из первых комплексных попыток представить общий обзор духовной жизни российского рассеяния были исследовательские труды Ханса фон Римши «Русская гражданская война и русская эмиграция 1917—1921 годов» и «Зарубежная Россия 1921—1926 годов», вышедших на немецком языке в Берлине в 1924 и 1927 гг.

И в зарубежной, и в эмигрантской историографии (порой их невозможно различить) заметны значительные трудности овладения темой, что объясняется целым рядом причин. Прежде всего, необходимо помнить, что интеллигентно-эмигранты из России были рассеяны по многим странам, в высшей степени разобщены политически и их рукописное наследие почти необозримо. Ныне существует самое общее представление обо всех центрах по хранению исторической документации по Российскому Зарубежью. Не в последнюю очередь по этим причинам до сих пор была в определенной мере исследована лишь незначительная часть всех исторических сюжетов по проблеме духовной жизни эмиграции. В работах М. Агурского, О. Бесса, Р.К. Вильяме, В. Зеньковского, С. Утехина, Р. Пайпса отражена в первую очередь деятельность отдельных идеологов и политических деятелей российского рассеяния. При этом нет систематического анализа истории идейного и культурного развития Российского Зарубежья и оценки его культурной роли в общецивилизационном процессе.

Целесообразно и важно, на наш взгляд, концептуальное положение германского исследователя Л. Люкса: «Идейное развитие «первой» русской эмиграции определялось напряженным отношением, балансирующим между разрывом и преемственностью. С одной стороны, эмиграция в политическом, социальном и культурном смысле олицетворяла собой связь с дореволюционным прошлым. С другой стороны, на опыте 1917 -- 1929 годов она пережила существенный мировоззренческий переворот»⁴.

Эта мысль особенно понятна сегодня, когда редкий труд по истории XX века обходится без умиления по поводу актуальности работ эмигрантов, изложенных «удивительно современным языком». Именно в них пытаются найти основу для возрождения особой русской духовности, «разрушенной большевиками». Подобные суждения вызывают чувство тревоги за состояние обыденного политического и теоретического сознания. Под

прикрытием красивого слова «духовность» в наше сознание пытаются внедрить мысль об особой мессианской роли России, противостоящей антихристам с Запада и с Востока. Заметно знаковое опрокидывание, когда в одночасье «хорошие» и «плохие» меняются местами. Учеными уже выявлена закономерность: знаковый тип рефлексии архаичен, им обычно довольствуются культуры с устойчивой исходной моделью и циклическим характером ее видоизменений. Поэтому и вызывает сомнения попытка перенесения в современность работ наших эмигрантов не в качестве исторических документов и памятников, а в качестве идеологических ориентиров современного общества. Режим самовоспроизводства также подтверждает присутствие в российской культурной модели определенных архаических элементов, заложенных в основу циклического механизма. И здесь перед исследователем встает важный гражданский выбор: есть ли смысл становиться пропагандистом уже известной культурной модели? Не провоцируем ли мы через преподаваемые подобным образом «уроки истории» («смотрите, как современно, подумайте, как актуально») новый циклический виток с гражданской войной и бюрократическим беспределом? В самом деле, немалое число переписчиков эмигрантской литературы под лозунгом «ах, как актуально» невольно воспроизводит всевозможные эмигрантские премудрости в наивной убежденности, что где-то там заложен ответ на извечные русские вопросы «Кто виноват?», «Что делать?», «Как нам обустроить Россию?». Философское, литературное и прочее культурное наследие, полученное на советской территории, кажется нам сегодня недостаточно убедительным, ведь его авторы находились в условиях «диктатуры пролетариата», деформировавшей сознание. А вот истинная русская духовность, русская ментальность, настоящий русский язык сохранились лишь в российской диаспоре. Таким образом, массовому сознанию предлагается в качестве объективного «нового взгляда» достаточно субъективная самооценка Российского Зарубежья и его вклада в мировую культуру. Необходимо подчеркнуть, что почти вся эмигрантская интеллигенция в прошлом и значительная часть отечественной интеллигенции в настоящем воспринимали и воспринимают российское рассеяние как единственно возможный вариант спасения культуры России. По этому поводу В. Даватц писал: «В "русском исходе" – ушли со своих насиженных мест миллионы людей, людей совершенно различных общественных положений, занятий, партийных группировок, навыков, вкусов, образования. Люди эти рассеялись по миру, неся с собою всюду элементы старой русской культуры спасенной от катастрофического шквала. И потому, куда бы они ни заносились, они несли с собой аромат родины, который вытравляется дома огнем и мечом, и казались не столько противниками „власти“, сколько хранителями национальной традиции»⁵.

Не случайно эмиграция полагала, что взяла на себя полную ответственность за воспроизводство российской интеллигенции, и «если иметь в виду, что восстановление кадров русской интеллигенции, этого общенародного интеллектуального и морального капитала, является совершенно необходимым условием для возрождения России, — то вряд ли надо доказывать, сколь исключительное национальное значение имеют, с точки зрения русской культуры, всякие достижения эмиграции в этой области»⁶.

Однако в нашем сегодняшнем обостренном внимании к истории российского рассеяния полезно прислушаться к мнению самих эмигрантов. Например, А.В. Пешехонов утверждал: «Эмиграция ведь вообще имеет о себе несколько преувеличенное мнение. Послушать здешние разговоры, особенно год-два тому назад, так можно было подумать, что чуть ли не вся русская интеллигенция ушла из России и находится теперь за границей. В действительности дело обстоит, конечно, совсем не так: достаточно много интеллигенции осталось и в России. Как теперь выясняется, ее осталось даже гораздо больше, чем может использовать страна при том экономическом уровне, до которого она упала»⁷.

На оставшуюся на родине интеллигенцию выпали основные тяготы существования при тоталитарном режиме. Сегодня часто говорят и пишут о том, что интеллигенция в СССР была беспощадно уничтожена большевиками, а истинная российская интеллигенция сохранилась только в Русском Зарубежье. При этом забывают о серьезном вмешательстве властей ряда государств в жизнь российской диаспоры, что со временем часто приводило к деформации образа жизни и ментальности российской эмигрантской интеллигенции. Так, А.В. Карташев признавался: «...Вы не имеете представления о странной духовной подъяремности русского православного ученого и здесь, в зарубежье. Тяжелый наш путь. Говорят, «деньги не пахнут». Неправда. Они не только пахнут, в них страшный яд кроется...»⁸.

Особое место в отторжении российских беженцев от мировой культуры сыграла Русская Православная Церковь, отгородившая российскую диаспору от католической, протестантской и других конфессий. Однако православное влияние заметно ослабевало год от года, и уже многие дети российских эмигрантов, а также представители русской эмиграции в целом все больше ассимилируются европейско-американской культурой и все дальше удаляются от православных традиций, что сказалось на положении самой Русской Православной Церкви в Российском Зарубежье. Все указанные моменты и целый ряд других факторов говорят о необходимости исследовать степень и характер деформации менталитета российской интеллигенции в рассеянии.

В Зарубежье российская интеллигенция пыталась вернуть привычные условия труда и жизни, однако это удавалось далеко не всем. Общемировые процессы увеличения количества лиц интеллектуального труда и понижения их жизненного уровня и положения в обществе особенно резко ударили по интеллигентам-эмигрантам из России. В этих условиях все трудности они связывали лишь с большевистской диктатурой, что сказывалось на формировании обыденного политического и теоретического сознания российской интеллигенции в рассеянии. На это в свое время обратил внимание Н.А. Бердяев: «Тип «белого» эмигранта вызывал во мне скорее отталкивание. В нем была каменная нераскаянность, отсутствие сознания своей вины и, наоборот, гордое сознание своего пребывания в правде... Свобода мысли в эмигрантской среде признавалась не более чем в большевистской России. На меня мучительно действовала злобность настроений эмиграции. Было что-то маниакальное в этой неспособности типичного эмигранта говорить о чем-либо, кроме большевиков, в этой склонности повсюду видеть агентов большевиков. Это настоящий психопатологический комплекс, и от этого не излечились и поныне»⁹.

Мы привыкли к определению «другая Россия», когда говорим о России эмигрантской. При всех общих корнях отечественной интеллигенции, наверное, можно говорить и о «другой интеллигенции», интеллигенции эмигрантской. Единое целое – интеллигенция России – в годы гражданской войны 1918 – 1920 гг. оказалось расколотым на две части — «советскую» и «эмигрантскую». Год от года углублялись различия между ними, искусственно прерывались контакты, разрушались семейные отношения. В воссоздании объективной картины истории российской культуры требуется обратить особое внимание на непрекращавшийся все же диалог двух культур, балансирующих между разрывом и преемственностью. При этом исследования должны носить подлинно гуманитарный характер, направленный в первую очередь на изучение носителей и создателей российской культуры – интеллигенции. Поэтому предлагаемое направление научного исследования может быть осуществлено только как междисциплинарное, включающее исторические, культурологические, политологические, социально-психологические, экономические, социологические аспекты.

Традиционно изучение российской диаспоры и в нашей, и в зарубежной историографии чаще всего велось с 1917 г. и отличалось некоей идеологической заданностью, предопределявшей исследование отдельных политических центров и политических лидеров. Предполагаемое исследование должно быть посвящено, прежде всего, социокультурным процессам российской эмиграции, изучению аспектов, особенно затрудненных недоступностью большого количества источников.

Необходимо отметить, что над исследователями порой довели и идеологические установки.

Следовательно, в ходе предстоящего исследования необходимо, безусловно, расширить традиционные хронологические рамки и установить, с какого времени можно говорить о появлении носителей российской культуры в Зарубежье, а также о российской диаспоре как историческом явлении. Эту историческую линию необходимо проследить неразрывно до настоящего времени. Практически все предыдущие исследования Российского Зарубежья ограничивались отдельными этапами, или «волнами эмиграции», и не предпринимались попытки проследить данное явление в качестве единого исторического процесса от его зарождения до наших дней. Такая постановка исследовательской задачи определяет и расширение географических рамок исследования, включающих все регионы российского рассеяния, а не только традиционно изучаемые несколько стран.

Общим контекстом, в рамках которого лежит исследуемая проблема, является общецивилизационный процесс. Помимо ценности, которую предполагаемое исследовательское направление представляет для российской истории, культурологии, политологии, оно внесет вклад в культурологические изыскания, проводимые в разных странах. На международной конференции «Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940-е годы», проходившей в Москве 8 – 12 сентября 1993 г., представители разных стран заявили о всплеске интереса к проблеме «русского влияния» на их национальные культуры через российскую диаспору¹⁰. Таким образом, предполагаемое научно-исследовательское направление находится в русле проблем, интересующих сегодня научную общественность мирового сообщества.

Исходя из описанных целей исследовательского направления, можно сформулировать следующие конкретные задачи изучения:

- Комплексное рассмотрение причин эмиграции в прошлом и настоящем.
- Изучение проблем адаптации к инокультурному пространству, вживания в чужую культуру, противостояния полной культурной ассимиляции.
- Анализ религиозных аспектов социокультурных процессов российской эмиграции.
- Выявление общих черт российской диаспоры и специфики ее в отдельных регионах и конкретных странах.
- Описание семейно-бытовых сторон жизни российской эмиграции.
- Аналитический обзор деятельности культурных обществ, организаций, союзов и центров российского рассеяния.
- Оценка взаимовлияния российской культуры метрополии и Российского Зарубежья.
- Описание памятников русской культуры, изучение истории и

современного состояния музейного и архивного дела российской диаспоры.

- Рассмотрение положения русской культуры в лимитрофах.
- Оценка вклада эмигрантской интеллигенции в общемировой культурный процесс.

ПЛАН

1. Российское государство и проблемы миграции. Понятийный аппарат.....4 часа.
2. Российское государство: причины эмиграции в прошлом и настоящем.....4 часа.
3. Проблемы адаптации к инокультурному пространству.....4 часа.
4. Религиозные аспекты социокультурных процессов российской эмиграции.....4 часа.
5. Общие черты российской диаспоры и специфика ее в отдельных регионах и конкретных странах.....4 часа.
6. Российское государство и семейно-бытовых сторон жизни российской эмиграции.....4 часа.
7. Взаимовлияние российской культуры метрополии и Российского Зарубежья.....4 часа.
8. Задачи Российского государства в совершенствовании российской культурно-миграционной системы.....4 часа.
- ВСЕГО.....32 часа.

Российская эмиграция после 1917 г. - уникальное историческое явление, обусловленное особенностями развития России в XIX - начале XX вв. Глубина и устойчивость социального раскола в дореволюционном российском обществе, пропасть между "верхами" и "низами", подавляющее преобладание в политической системе тенденции строительства и укрепления государственной машины, отсутствие различий между властью и собственностью, подмена демократического разделения властей дифференциацией функций внутри огромного бюрократического аппарата - все эти факторы предопределили характер эмиграции. Предопределили главное в ней - преобладание политической целесообразности и естественного желания сохранить жизнь над всеми материальными и моральными соображениями в пользу того, чтобы остаться на родине.

В процессе формирования российской эмиграции после 1917 г. можно выделить три этапа (или три волны эмиграции):

- эмиграция времен Гражданской войны и первых послереволюционных лет,
- эмиграция последних лет Второй мировой войны,

- эмиграция из СССР 70 - 80-х гг.

Российская эмиграция первой послереволюционной волны, часто именуемая "белой" или "антибольшевистской", занимает особое место в самом эмиграционном процессе. Будучи значительна по своим масштабам (географическим, демографическим, экономическим, социальным, политическим, идеологическим, культурным), она состояла из многих разбитых по странам диаспор¹, объединенных общероссийским прошлым и культурой. Именно это стало фундаментом "Зарубежной России" (или "Российского зарубежья") как уникального подобия государственности. Уникальность ее состояла в том, что из обычных трех составляющих - народ, территория и власть - она имела только "народ", пыталась создать "территорию" и напроочь была лишена "власти".

Географически эмиграция из России была прежде всего направлена в страны Западной Европы. Ее главной "перевалочной базой" стал Константинополь, а основными центрами - Белград, София, Прага, Берлин, Париж, на Востоке - Харбин.

Российская эмиграция времен Гражданской войны и первых послевоенных лет включала в себя остатки белых войск и гражданских беженцев, представителей дворянства и бюрократии, предпринимателей и творческой интеллигенции, самостоятельно покинувших Россию или высланных по решению большевистского правительства.

Разруха и голод, большевистские национализация и террор, просчеты правительств Антанты, нерациональность политики белых властей и поражения белых войск породили эвакуацию антантовских войск и беженцев из Одессы (март 1919 г.), эвакуацию Вооруженных сил на юге России генерала А.И. Деникина и беженцев из Одессы, Севастополя и Новороссийска (январь - март 1920 г.) в Турцию и Балканские страны, отход Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича на территорию Эстонии (декабрь 1919 - март 1920 гг.), эвакуацию Земской рати генерала М.К. Дитерихса из Владивостока в Китай (октябрь 1922 г.).

Самой большой по численности стала эвакуация частей Русской армии и гражданских беженцев из Крыма в Турцию, осуществленная на сотне с лишним военных и торговых судов. По данным войсковой и агентурной разведки Красной армии, из крымских портов было эвакуировано до 15 тыс. бойцов казачьих частей, 12 тыс. офицеров и 4 - 5 тыс. солдат регулярных частей, 10 тыс. юнкеров военных училищ, 7 тыс. раненых офицеров, более 30 тыс. офицеров и чиновников тыловых частей и учреждений и до 60 тыс. гражданских лиц, среди которых большую часть составляли семьи офицеров и чиновников. Общая цифра, которая встречается в различных источниках, колеблется от 130 до 150 тыс.

В Турции в районе Галлиполи был размещен лагерь 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова, в состав которого были включены остатки регулярных частей бывшей Добровольческой армии. На острове Лемнос расположились остатки кубанских казачьих частей, сведенные в Кубанский корпус генерала М.А. Фостикова. Донской корпус генерала Ф.Ф. Абрамова разместили в лагерях под Константинополем, преимущественно в районе Чаталджи. По сведениям командования Русской армии на 16 ноября 1921 г., в военных лагерях проживало: в Галлиполи - 26 485 человек, из них 1 354 женщин и 246 детей; на Лемносе - 8 052, из них 149 женщин и 25 детей; в Чаталдже - 8 729, из них 548 женщин и детей.

В конце 1920 - начале 1921 гг. разведорганы Красной армии получали самые разные, порой сильно расхоdivшиеся данные о численности войск, сосредоточенных в военных лагерях, а также о количестве гражданских беженцев, живущих в Константинополе и в лагерях, расположенных в окрестностях турецкой столицы и на Принцевых островах. После многократных уточнений численность войск была определена в 50 - 60 тыс., из которых почти половину составляли офицеры, а гражданских беженцев - в 130 - 150 тыс., из них около 25 тыс. составляли дети, около 35 тыс. - женщины, до 50 тыс. - мужчины призывного возраста (от 21 до 43-х лет) и около 30 тыс. - пожилые мужчины, негодные к службе в армии.

Первую попытку подсчитать общую численность эмигрантов из России предпринял в ноябре 1920 г., еще до эвакуации Русской армии из Крыма, Американский Красный Крест. Основываясь на приблизительных данных различных беженских организаций, он определил ее почти в 2 млн. Еще примерно 130 тыс. военных и гражданских беженцев врангелевской эвакуации довели эту цифру почти до 2 млн. 100 тыс.

По данным Лиги Наций, опубликованным в сентябре 1926 г., после Октябрьского переворота 1917 г. Россию покинуло 1 млн. 160 тыс. человек.

Точную численность первой волны эмиграции установить очень сложно: слишком сильно разнятся цифры всевозможных учреждений и организаций, слишком много беженцев не было учтено при оставлении ими страны, слишком часты были приписки, которыми грешили русские организации, стремившиеся получить материальную помощь в как можно большем объеме. Поэтому в исторической литературе можно встретить самые разные цифры. Наиболее часто встречается цифра в 1,5 - 2 млн. человек, покинувших Россию в 1918 - 1922 гг.

Национальный, половозрастной и социальный состав эмигрантов отчасти характеризует информация, собранная в Варне в 1922 г. путем опроса почти 3,5 тыс. человек. Уезжали преимущественно русские (95,2%),

мужчины (73,3%), среднего возраста - от 17 до 55 лет (85,5%), с высшим образованием - (54,2%).

Сразу же за эмиграцией началась и реэмиграция.

Уже летом 1920 г. на юг России, занятый Русской армией генерала Врангеля, стали возвращаться офицеры деникинских армий, выехавшие в Турцию и Балканские страны в январе - марте. По данным Полевого штаба РВСР, к середине ноября возвратилось 2 850 человек, в большинстве - из Константинополя.

В ноябре - декабре 1920 г., сразу же после высадки с кораблей частей Русской армии генерала Врангеля и беженцев, рядовые солдаты и казаки, остыв от горячки отступления и эвакуации и преодолев в себе страх перед большевиками, стали предпринимать попытки вернуться на родную землю на лодках.

3 ноября 1921 г. ВЦИК РСФСР принял декрет об амнистии военнослужащих белой армии, им была дана возможность вернуться в Советскую Россию. Свыше 120 тыс. беженцев воспользовались ею, в подавляющем большинстве - солдаты и казаки. Этому способствовали, во-первых, разочарование в Белом движении и его вождях, во-вторых, тяготы жизни в лагерях и еще более горькая и унижительная жизнь неимущих гражданских беженцев в Константинополе (отсутствие работы, жилья и еды), в-третьих, ослабление страха перед большевиками, в-четвертых, политика командования Антанты, которое видело в Русской армии опасную силу и сокращением ее содержания стремилось ускорить процесс перевода ее чинов на положение гражданских беженцев. Некоторую роль сыграл и такой фактор: после Первой мировой войны в Россию возвращались, главным образом из Америки, трудовые и религиозные эмигранты (духоборы и молокане).

С лета 1921 г. командование Русской армии, заручившись согласием правительств Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев (Югославии) и Болгарии, начало переброску частей в эти страны. Вслед за военными потянулись и беженцы.

Через год только в Югославии проживало более 45 тыс. русских. Значительные колонии эмигрантов из России возникли в Чехословакии, Германии, Франции и других государствах Европы, в том числе и в тех, что приобрели независимость в результате распада Российской империи (Финляндии, Польше, Эстонии и других). Численное распределение эмигрантов по странам проживания постоянно менялось. Российская эмиграция первой волны напоминала собой "переливающуюся" из страны в

страну массу. Это объяснялось исключительно поиском наиболее благоприятной обстановки для адаптации к жизни на чужбине.

Славянские страны были предпочтительнее для русских по причинам близости культуры и благожелательной политики властей, много сделавших для эмигрантов. В Югославии выходцы из России находились в привилегированном положении. Поскольку Россия до октября 1917 г. предоставляла сербам всю совокупность прав, вплоть до поступления на военную службу, то и русские эмигранты в Сербии пользовались широкими правами. Им предоставлялось право занятия промыслами и торговлей, право производить операции с валютой, что для иностранцев было запрещено местным законодательством.

Самой острой проблемой было физическое выживание. В этой ситуации особое значение приобретала способность эмиграции к самоорганизации, к созданию действенной структуры для решения всего комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением. Такой структурой стал "Центральный объединенный комитет Российского общества Красного Креста, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов" (ЦОК). Он субсидировался державами Антанты и фактически превратился в своего рода министерство по гражданским делам, если иметь в виду, что штаб Врангеля и функционировавшие при нем учреждения занимались прежде всего вопросами обеспечения и снабжения армии. Через ЦОК шло снабжение российских беженцев продуктами питания, одеждой и прочими предметами первой необходимости. Была создана целая система по реабилитации и устройству чинов белых армий, получивших увечья. По его инициативе Лига Наций учредила должность Верховного комиссара по делам русских беженцев. 20 августа 1921 года норвежский полярный исследователь и общественный деятель Ф. Нансен дал свое согласие возглавить дело помощи русским.

Чтобы решить проблему перемещения беженцев из одного государства в другое, по его инициативе были введены "беженские паспорта", узаконенные международными соглашениями от 5 июля 1922 г. и от 31 мая 1926 г. До октября 1929 г. эти паспорта признавали 39 стран. Однако Англия, Италия, Испания, Португалия, Швеция, Дания, Норвегия, Канада, Австралия, Новая Зеландия и некоторые другие страны закрыли свои двери для обладателей "нансеновских паспортов".

Политический спектр эмиграции отличался необычайной пестротой: от организаций монархистов и даже фашистов до левых, социалистических, партий - эсеров и меньшевиков. В центре стояла кадетская партия, проповедовавшая либеральные ценности. Ни одна из этих организаций и партий не представляла единого политического течения и распалась на две, три и более групп. Все они располагали печатными органами, строили планы

освобождения России от большевизма и ее возрождения, разрабатывали программы и выступали с заявлениями по тем или иным политическим вопросам.

Кадеты, расколовшиеся после поражения в Гражданской войне на правых и левых, издавали две газеты: "Руль" в Берлине под редакцией В.Д. Набокова и И.В. Гессена и "Последние новости" в Париже под редакцией П.Н. Милюкова.

Эсеры издавали печатные органы с популистскими заголовками: "Революционная Россия" (центральный орган) под редакцией лидера партии В.М. Чернова и "Воля России" - в Праге под редакцией В.Л. Лебедева, М.А. Слонима, В.В. Сухомлина и Е.А. Сталинского. В Париже выходил журнал "Современные записки" под редакцией Н.Д. Авксентьева, М.В. Вишняка и В.В. Руднева. В Ревеле в начале 20-х гг. эсеры специально для распространения в Советской России издавали газету "За народное дело" и журнал "За народ". Большевики выпускали в Берлине один из самых объемных журналов в эмиграции - "Социалистический вестник" под редакцией Л. Мартова, Ф. Абрамовича и Ф. Дана.

Кроме этих основных печатных органов существовали десятки эмигрантских журналов и газет самых различных направлений.

Не менее разнообразной была общественно-политическая жизнь дальневосточной ветви российской эмиграции. Наиболее сильно здесь были представлены монархисты. Еще в 1922 г. из Приморья в Харбин перебрались 13 монархических обществ и организаций. Однако, как и в Европе, эти силы оказались расколотыми. Самая крупная организация - "Союз легитимистов", возглавляемый генералом В.А. Кислицыным, - поддерживала вел. кн. Кирилла Владимировича. Другие отдавали предпочтение вел. кн. Николаю Николаевичу. Опираясь на офицерский корпус военных и казачьих частей, имея поддержку духовенства, западных эмигрантских сил и отчасти китайских властей, монархисты были не только самой многочисленной частью политической эмиграции в Китае, но и самыми непримиримыми борцами против большевистской власти в России.

Параллельно возникли новые направления.

В 20-е гг. частью русской диаспоры в Харбине был профессорско-преподавательский состав российских университетов, большинство представителей которого являлись приверженцами идей кадетской партии. Еще в конце Гражданской войны наиболее дальновидные члены партии предложили сменить тактику борьбы с большевиками. Профессор Харбинского юридического факультета Н.В. Устрялов в 1920 г. издал сборник своих статей "В борьбе за Россию". В нем проповедовалась мысль о

бесперспективности нового военного похода против Советов. Более того, подчеркивалось, что большевизм защитил единство и независимость России, а Белое движение связало себя с интервентами. "Начинать сначала то, что практически не удалось при несравненно лучших условиях и при неизмеримо богатейших данных, - могут, в лучшем случае, лишь политические Дон-Кихоты", - считал Устрялов.

Летом 1921 г. в Праге вышел сборник статей "Смена вех", ставший программой нового политического течения в Российском зарубежье. Авторы статей (Ю.В. Ключников, С.С. Лукьянов, Ю.Н. Потехин и другие) считали: если неудача революции нежелательна для интеллигенции, а ее победа в той форме, в какой она осуществилась, непонятна, то остается третий путь - перерождение революции. Одновременно в Париже П.Н. Милюков, лидер кадетской партии, опубликовал статью "Что делать после Крымской катастрофы?" с аналогичными выводами. Не принимая большевизма и примирения с ним, он считал, что должны кардинально измениться методы его преодоления для восстановления России как великого и единого государства. Провозглашаемая "новая тактика" должна была ориентироваться на внутренние антибольшевистские силы России (крестьянское повстанческое движение и т.д.).

Размышление о судьбах России, о специфике ее геополитического положения, приведшей к победе большевизма, реализовались в новом идеологическом направлении - евразийстве.

Родоначальниками евразийства стали молодые талантливые ученые: филолог Н.С. Трубецкой, музыковед П.П. Сувчинский, географ и экономист П.Н. Савицкий, юристы В.Н. Ильин и Н.Н. Алексеев, философ-богослов Г.В. Флоровский, историки М.М. Шахматов, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин. Евразийцы начали свою публицистскую деятельность в Софии в 1920 г., а затем продолжили ее в Праге, Париже и Берлине. Они выпускали сборники "Евразийская хроника" в Праге и "Евразийский временник" в Берлине и Париже, а со второй половины 20-х гг. печатали во Франции газету "Евразия". Культивируя самобытность России, они готовы были примириться и с советскими преобразованиями, если они шли на пользу этой самой исторической социально-культурной индивидуальности российской государственности.

В середине 20-х гг. начала угасать надежда на скорое возвращение в Россию, освободившуюся от ига большевиков. Этому способствовала "полоса признания" СССР правительствами европейских и азиатских государств. Дипломатические успехи большевистской власти, основанные на умелом использовании заинтересованности многих стран в возобновлении торгового обмена с Россией, пагубно отражались на правах эмигрантов.

После установления в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Китаем советское правительство отказалось от прав и привилегий, касающихся всех концессий, приобретенных царским правительством, в том числе от прав экстерриториальности в районе КВЖД. Согласно ряду дополнительных соглашений прекращалась служба русских эмигрантов в китайской армии и полиции, а КВЖД объявлялась чисто коммерческим предприятием, управляемым на паритетных началах СССР и Китаем. В соответствии с советско-китайскими договоренностями на железной дороге имели право работать лишь советские и китайские граждане, что нанесло серьезный урон эмигрантам, не имеющим подданства.

Поэтому часть эмигрантов, чтобы сохранить за собой место работы, перешла в советское подданство и получила советские паспорта, часть - в китайское подданство, остальные же должны были получать и ежегодно обновлять так называемый "годовой вид на жительство в Особом районе восточных провинций". Состоятельные эмигранты в поисках более комфортных условий жизни перебирались из Харбина в США и страны Западной Европы. Остались и пытались приспособиться к местным условиям те, кому не на что и некуда было ехать.

Схожие процессы имели место и в западноевропейских странах.

Так, во Франции до 1924 г., когда французское правительство признало СССР и установило с ним дипломатические отношения, в Париже действовало русское посольство, а в ряде крупных городов - русские консульства. Посол бывшего Временного правительства В.А. Маклаков пользовался немалым влиянием во французских правительственных кругах, благодаря чему русские дипломатические представительства защищали интересы эмигрантов, выдавая им различные документы, удостоверяющие их личность, социальное положение, профессию, образование и т.п.

Особое значение имела помощь русских дипломатических представительств эмигрантам, решившим принять подданство той страны, где они проживали, поскольку у многих не было ни денег, ни возможности осилить все юридические формальности, требуемые в таких случаях.

Признание СССР повлекло закрытие русских посольств и консульств в европейских странах, что значительно затруднило защиту прав российских эмигрантов.

Серьезные перемены происходили в рядах военной эмиграции - одной из крупнейших частей Российского зарубежья. В середине 20-х гг. армия трансформировалась в конгломерат различных военных обществ и союзов. В этой ситуации генерал П.Н. Врангель, формально сохранявший звание

главнокомандующего Русской армией, в 1924 г. создал Русский общевоинский союз (РОВС).

К концу 20-х гг. РОВС объединил под своим началом большинство военных организаций. По данным штаба Врангеля, в 1925 г. РОВС насчитывал в своих рядах 40 тыс. человек. Поначалу РОВС финансировался из сумм, находившихся в распоряжении командования Русской армии, но они скоро иссякли. Поскольку в мировом сообществе отсутствовали силы, готовые открыто финансировать консервативную военную организацию, выступающую за воссоздание Российской империи, главным источником средств РОВС стали членские взносы и пожертвования, которых было далеко не достаточно для развертывания полномасштабной деятельности. Вместе с тем некоторые структуры РОВС пошли на сотрудничество с разведками иностранных государств, при их финансовой и другой поддержке проводя разведывательные операции против СССР.

С другой стороны, РОВС оказывал юридическую и материальную помощь военным эмигрантам. Многие нетрудоспособные эмигранты получали различные пособия, некоторые были устроены в больницы и дома престарелых. Немало делалось в историко-мемориальной области: собирались материалы по истории войсковых частей периода Гражданской войны, создавались военные музеи.

Главная задача, поставленная Врангелем перед РОВС, - сохранение кадров армии в условиях эмигрантского рассеяния и добывания офицерами средств на жизнь собственным трудом - была решена не до конца. Формально объединив значительную часть российской военной эмиграции, РОВС не смог создать широкого и боеспособного военно-политического движения за рубежом. Противоречия внутри руководства и призывы к военной интервенции против СССР привели к изоляции РОВС, конфронтации с демократическими силами эмиграции, конфликтам с правительствами Франции, Германии и Болгарии, оттоку солдат и казаков из военных организаций.

В 1929 г. во время вооруженного конфликта на КВЖД военной частью эмиграции была предпринята попытка реализовать на практике идею возобновления борьбы с большевистской властью. С китайской территории через границу СССР были направлены вооруженные белые отряды, имевшие целью поднять восстание и разгромить советские пограничные гарнизоны. Однако теория вооруженного вторжения эмигрантских военных формирований на территорию СССР не выдержала проверки практикой: население не оказало им поддержки, а противостоять регулярным частям Красной армии они не смогли.

ГПУ - ОГПУ - НКВД, широко прибегая к вербовке агентов среди эмигрантов и созданию подставных подпольных организаций в СССР, стремились парализовать разведывательную и диверсионную деятельность РОВС, ликвидировать самых непримиримых его руководителей. В результате РОВС не сумел организовать антисоветское подполье в СССР, все проекты создания антибольшевистского движения на его территории так и остались на бумаге. Контрразведка РОВС не смогла обеспечить защиту организации и ее руководства от "активных мероприятий" советских органов госбезопасности: 1930 г. в Париже был похищен председатель РОВС генерал А.П. Кутепов, в 1937 г. - генерал Е.К. Миллер.

Несмотря на правовые, материальные и другие сложности жизни в изгнании, эмиграция думала о будущем. "Сохранить национальную культуру, приучить любить детей все русское, воспитать подрастающее поколение для будущей России, закалить его волю, выработать твердый характер" - такая задача ставилась перед эмигрантскими учебными заведениями. В эмиграции сохранилась та же система образования, которая существовала в дореволюционной России: начальная школа (государственные, земские и церковно-приходские), средняя школа (гимназии, реальные училища), высшие учебные заведения (институты, университеты, консерватории). Среди выходцев из России насчитывалось 16 тыс. студентов, чья учеба была прервана мировой войной и революцией. За 10 лет изгнания 8 тыс. молодых людей получили высшее образование, главным образом в Чехословакии и Югославии.

Россию покинуло около 3 тыс. дипломированных инженеров, сотни образованных специалистов во всех направлениях естественных, технических и гуманитарных наук. Правительства государств, где оказались беженцы, проявили к ним много доброжелательности и человеческого сочувствия. Но, помимо выражения этих чувств, в их действиях была и существенная доля своекорыстия и меркантильности. Среди русских эмигрантов было немало научной и технической интеллигенции. Приток профессорско-преподавательских кадров, ученых и инженеров сыграл заметную роль в оживлении научной и культурной жизни ряда европейских и азиатских стран.

Правительства этих государств оказывали существенную помощь русским эмигрантским организациям, не обладавшим своими достаточными средствами, в деле организации обучения российских детей и молодежи. В начале 1921 г. по инициативе помощника министра иностранных дел Чехословакии Гирсы был подготовлен государственный культурно-просветительный план помощи русским. Он был одобрен президентом страны Т. Массариком. Чешское правительство выделило средства на содержание студентов, находившихся на территории Чехословакии. С конца 1921 г. Чехословакия стала принимать русских студентов из других стран.

Весной 1922 г. 1 700 русских студентов стали стипендиатами чехословацкого правительства. Они были расселены в общежитиях и частично на частных квартирах, получили одежду, питание, деньги на карманные расходы. До образования русских учебных заведений студенты распределялись по высшим учебным заведениям Чехословакии в Праге, Брно, Братиславе и других городах. На эти цели власти Чехословакии израсходовали большие суммы. Ассигнования, начавшись с 10 млн. чешских крон в 1921 г., перевалили за 300 млн. к 1926 г.

Власти Чехословакии, как и других европейских государств, в начале 20-х гг. были убеждены, что большевизм не продержится в России более пяти - семи лет, а после его гибели молодежь, получившая в республике образование, вернется в Россию и "послужит там закваской для образования нового европейского демократического государственного строя". Благодаря помощи правительства эмигрантам удалось образовать в Чехословакии целый ряд русских учебных заведений: Русский юридический факультет, Русский педагогический институт имени Яна Амоса Каменского, Русское железнодорожное техническое училище и другие.

В Харбине существовало шесть высших учебных заведений, в Париже - восемь.

В середине 20-х гг. чехословацкие власти начали свертывать "русскую акцию помощи". "Союз русских студентов в Пшибраме" сообщил в МИД Чехословакии, что к началу 1931 г. "русские студенты были лишены правительственных стипендий", на предприятиях идут увольнения и в "числе увольняемых со службы инженеров в первую очередь оказываются русские, притом и те, в коих предприятия нуждаются".

На то было несколько причин. Мировой экономический кризис конца 20-х гг. затронул все отрасли хозяйства, науку и культуру. В этой обстановке все настойчивее звучали требования чехов, прежде всего трудящихся, ограничить выделение средств и рабочих мест "бывшим белогвардейцам". С другой стороны, власти не могли не реагировать на протесты СССР, как официальные, так и в средствах массовой информации, против "подкармливания белогвардейцев".

В этой ситуации русская высшая школа стала менять свой характер и направленность, переходя на подготовку специалистов для тех стран, где оказались эмигранты. Многие учебные заведения стали закрываться или преобразовываться в научно-просветительские центры. Материальная помощь правительств и общественных организаций стран, приютивших эмигрантов из России, быстро иссякала. Главным источником финансирования стала собственная коммерческая деятельность эмигрантских учебно-научных заведений.

Среди эмигрантов были ученые, заслужившие мировую известность: авиационный конструктор И.И. Сикорский, разработчик телевизионных систем В.К. Зворыкин, химик В.Н. Игнатъев и многие другие. Согласно данным анкетирования 1931 г., в эмиграции находилось около 500 ученых, в том числе 150 профессоров. Успешно работали научные институты в Белграде и Берлине. Русские академические группы имелись почти во всех крупных столицах, из которых Парижская и Пражская имели право присуждения ученых степеней.

Российские эмигранты оказали огромное влияние на развитие мировой культуры. Писатели И.А. Бунин и В.В. Набоков, композитор С.В. Рахманинов, певец Ф.И. Шаляпин, балерина А.П. Павлова, художники В.В. Киндинский и М.З. Шагал - это маленькая толика перечня русских мастеров искусств, работавших за рубежом.

На общественных началах было создано 30 эмигрантских музеев.

Из архивохранилищ наибольшую известность приобрел Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА). Он был образован в феврале 1923 г. и до 1924 г. назывался Архивом русской эмиграции. Архив провел регистрацию всех военных, политических и культурных организаций, находящихся в эмиграции. В эти организации были направлены информационные сообщения об образовании архива с просьбами о передаче на хранение их материалов. До конца 30-х гг. в архив передали свои документы сотни русских организаций и деятелей эмиграции. В 1939 г., после оккупации Чехословакии Германией, архив оказался под контролем МВД фашистского рейха. После окончания Второй мировой войны по требованию советского правительства архив был передан СССР. 650 ящиков материалов российской эмиграции 20 - 40-х гг. были перевезены в Москву. Решением НКВД СССР доступ к документам был строго ограничен. И только весной 1987 г. документы организаций и деятелей эмиграции начали рассекречиваться, став основой источниковой базы для изучения истории Российского зарубежья нынешним поколением историков.

К специфическим чертам российской эмиграции как особого социально-культурного феномена следует отнести устойчивую преемственную связь всех волн по сохранению и развитию национальной культуры, а также открытость к культурам стран проживания и свободное взаимодействие с ними. В совокупности своей они обусловили приверженность эмигрантов к корням, оставленным в России, их ощущение себя органической частью национальной культуры и, следовательно, взаимодействие регионов расселения, давшее возможность не утратить духовно-культурную целостность. Все это происходило в условиях культурной интеграции, представлявшей собой сложный процесс перехода от "культурного шока" с его элементами враждебности, изоляции и

дезорганизации, к ситуации, когда элементы собственной и чужой культуры, контактируя и проходя через конфликты между разными культурными стереотипами, стали сливаться.

Источники и литература

Источники

Диаспора: Новые материалы. Вып. I -7. СПб., 2001.

Политическая история русской эмиграции, 1920 - 1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999.

Русская военная эмиграция 20-х - 40-х годов: Документы и материалы. М., 1998. Т.1. Так начиналось изгнание, 1920 - 1922 гг. Кн.1. Исход; Кн.2. На чужбине.

Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.

Одоевцева И. На берегах Сены // Одоевцева И. Избранное. М., 1998.

Литература

Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. М., 1996.

Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции (1920 - 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3(5).

Доронченков А.И. Эмиграция "первой волны" о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.

Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х - 1930-х гг. М., 1999.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919-1939. М., 1994.

Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 - 40-х годов. М., 2000.

ПРИЛОЖЕНИЯ И ЗАДАНИЯ К ЛЕКЦИИ "РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 1920 - 30-х гг."

Документы, помещаемые в качестве приложения к лекции "Российская эмиграция 1920 - 30-х гг.", хранятся в Государственном архиве Российской Федерации. Прочитайте их и, используя текст лекции, а также рекомендованные источники и исследования, ответьте на вопросы и выполните задания.

1

ЗАПИСКА РОССИЙСКОГО ПОСЛАННИКА В БЕРНЕ И.Н. ЕФРЕМОВА

3 марта 1921 г., Берн

Права русских граждан в Швейцарии были гарантированы главным образом Конвенцией о водворении и торговле, заключенной между Россией и Швейцарией 14/26 декабря 1872 года.

Конвенция эта денонсирована Русским правительством 2 ноября 1917 года путем передачи поверенным в делах А.М. Ону соответственной ноты федеральному министру иностранных дел г. Густаву Адору, и на нее опираться не приходится; нельзя и требовать полного ее исполнения. Тем не менее ко мне не поступало жалоб на отказ швейцарских судебных властей в защите прав русских граждан. Мне неизвестны также случаи отказа или уклонения административных и полицейских властей от защиты личных и имущественных прав русских граждан.

Но зато я знаю целый ряд случаев, можно сказать, общую систему ограничений права въезда и пребывания в Швейцарии русских граждан, являющуюся следствием непризнания полной силы русских паспортов. Такое отрицание швейцарские власти основывают на том, что Русское правительство, которое было признано Швейцарией, фактически более не существует, и нет такого русского правительства, которое было бы признано Швейцарией. Отсюда швейцарские власти выводят, что нет и таких органов Русской власти, которые имели бы бесспорное право совершать акты правительственной власти, а потому выданные этими властями документы, паспорта и свидетельства не имеют силы; снабженные же ими лица должны быть признаны не имеющими законных видов на жительство.

Это относится не только к гражданским, но и к дипломатическим паспортам, где бы таковые ни были выданы. Эти "беспаспортные" иностранцы, не защищенные к тому же Конвенцией 1872 года, подпадают под действие

закона, дающего право высылать их из кантона и даже из Швейцарии, или лишь терпеть их пребывание под условием залога или поручительства.

Денонсирование Конвенции 1872 года делает довольно шатким положение российских консулов в Швейцарии, но швейцарские власти, отрицая законность продолжения деятельности консулов, ссылались не на денонсирование Конвенции, а на несуществование в России правительства, признанного Швейцарией. Однако, вследствие моих переговоров с федеральными властями, департамент (министерство) юстиции и полиции издал циркуляр, в котором определенно рекомендовалось местным властям относиться как можно благожелательнее к русскоподданным, предъявляющим подписанные мною документы. Требование же залогов и поручительств все же продолжается, при чем мера эта объясняется местными властями желанием предохранить коммуны и кантоны от могущих пасть на них расходов по содержанию неимущих русских.

Конвенции, касающейся наследования, не было между Россией и Швейцарией, и охрана наследственного имущества попрежнему подлежит ведению кантональных властей на основании различных местных кантональных законов.

Наряду с этими полицейскими стеснениями я должен отметить и положительное отношение швейцарских властей, главным образом федеральных, к тяжелому положению русских. Так, федеральное правительство обязалось еще в 1919 году выдавать кантонам и коммунаам, которые примут на себя содержание неимущих русских, в виде доплаты к их расходам, по пять франков на человека в день. Это постановление нашло применение почти исключительно в Ваадском кантоне. В других местах было принято на общественное содержание лишь несколько психически больных русских.

После моих указаний федеральному правительству на беспомощное положение большого количества русских, так широко в былое время тративших свои средства в Швейцарии, федеральное правительство изменило свое постановление и поручило Швейцарскому Красному Кресту озаботиться содержанием больных и дряхлых русских граждан, ассигновав на это дело 250 000 франков. Кроме того, федеральное правительство поручило весной 1920 года Ассоциации взаимопомощи швейцарцев и защиты швейцарских интересов в России озаботиться содержанием некоторого числа русских, ассигновав на это дело 60 000 франков. Наконец, у этой же Ассоциации, не имеющей собственных средств, а получающей их от федерального правительства и с разрешения, данного ей этим правительством, я занял, согласно поручению правительства Колчака, 300 000 франков для поддержания русских в Швейцарии.

Не могу не указать и на то, что в Женеве, Лозанне, Беве и Монтре чисто швейцарские или смешанные благотворительные общества предоставляют русским квартиру и стол и оказывают иные пособия, а также, что швейцарцы, как в Романской, так отчасти и в Аллеманской Швейцарии, принимают участие в изыскании средств для денежной и трудовой помощи русским.

ГА РФ. Ф.5680. Оп.1. Д.79. Л. 6-7.

Вопросы и задания:
А. В чем заключалась главная причина "непризнания полной силы русских паспортов" властями Швейцарии?
Б. Как вы считаете, из каких соображений швейцарские власти защищали личные и имущественные права бывших российских граждан?
В. Из каких источников финансировалось оказание материальной помощи российским эмигрантам в Швейцарии?
Г. В какой степени, повашему, эта помощь основывалась на началах общественной благотворительности, а в какой диктовалась правительством?

2

ПРОТОКОЛ БЕСЕДЫ ЕПИСКОПА СЕРАФИМА ЛУБЕНСКОГО И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БОЛГАРИИ С РОССИЙСКИМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ В БОЛГАРИИ А.М. ПЕТРЯЕВЫМ

16 декабря 1922 г., София

Сов. секретно

16 декабря 1922 г. в целях выяснения обстоятельств, вызвавших решение А.М. Петряева прекратить деятельность Российской дипломатической миссии и покинуть пределы Болгарии, а также определения условий, при соблюдении коих Российская дипломатическая миссия во главе с А.М. Петряевым могла бы продолжать свою деятельность в Болгарии, явились в здание Российской миссии в Софии к российскому дипломатическому представителю А.М. Петряеву управляющий русскими православными общинами в Болгарии епископ Серафим Лубенский и нижепоименованные представители русских общественных организаций: Д.А. Абрамович, кн. Лобанов-Ростовский, В.С. Никулин, Р.Г. Моллов, А.И. Пильц, П.Н. Соковнин, Н.П. Щурупов, А.А. Эйлер и А.Э. Янишевский.

Епископ Серафим от лица собравшихся представителей общественных организаций обратился к А.М. Петряеву с указанием цели посещения и сообщил о той тревоге, которая охватила беженские круги в связи с известием об отъезде Российской миссии. Владыка передал Петряеву просьбу русской колонии принять все необходимые меры в целях сохранения

деятельности дипломатической миссии, хотя бы и поступившись личным самолюбием. Владыка указывал на то безвыходное положение, в котором окажутся 40 000 русских беженцев в Болгарии, лишившись защиты и представительства своих интересов перед болгарским правительством и иностранцами.

А.М. Петряев заявил, что вопрос решен бесповоротно и что не в его возможностях дать ныне делу другой оборот. Если бы представители общественных организаций обратились к нему ранее, немедленно вслед за беседой в МИДе с г. Кисимовым, может быть, и возможно было внести какие-либо изменения в принятые решения. Теперь уже поздно об этом говорить. А.М. Петряев считает необходимым подчеркнуть, что хотя формально дело и представляется в таком виде, что как будто инициатива отъезда исходит от него, Петряева, но по существу болгарское правительство не желает более терпеть в Болгарии Российской дипломатической миссии и оно уже давно исподволь подготавливало решение к отъезду миссии. Разговор А.М. Петряева с представителем МИДа г. Кисимовым совершенно ясно раскрыл позицию болгарского правительства, т.к. г. Кисимов прямо заявил Петряеву, что он имел поручение от правительства переговорить с ним о прекращении деятельности Российской миссии, и выразил даже удовлетворение, что А.М. Петряев своим приходом в министерство избавил его, Кисимова, от тяжелой обязанности явиться в Русскую миссию для выполнения поручений правительства. Появившееся после этого официальное правительственное сообщение с опровержением того обстоятельства, что болгарское правительство предложило Российской миссии во главе с Петряевым покинуть Болгарию, и словесные заявления г. Кисимова многим лицам с отрицанием той беседы, которую он имел с А.М. Петряевым, надлежит считать лживыми. Это есть один из обычных приемов коварной восточной политики, в которой большую роль играет провокация. Во всяком случае, после сделанных ему Кисимовым заявлений и учитывая весь комплекс создавшихся отношений, А.М. Петряев пришел к совершенно определенному заключению, что он не может дожидаться официального предложения об оставлении пределов Болгарии, т.к. все равно ему будут созданы такие условия для деятельности, которые только лишь скомпрометируют Дипломатическую миссию и отнюдь не облегчат положение русских беженцев в Болгарии.

А.И. Пильц указывал, что отъезд Русской миссии из Болгарии является первым случаем во всем мире в послевоенное время. Это обстоятельство имеет громадное принципиальное значение для русской зарубежной государственности и создает очень тяжелый прецедент для дипломатических представительств в других странах. Перед этим вопросом отходят на второй план интересы многочисленных русских беженцев в Болгарии, которые, конечно, после отъезда миссии окажутся в самом тяжелом положении. При создавшейся обстановке, когда болгарское правительство официально

отрицает, что оно предложило Русской миссии покинуть Болгарию, для массы русских беженцев совершенно непонятны мотивы, которыми руководствуется А.М. Петряев в своем решении прекратить деятельность Русской миссии в Болгарии. Раздаются голоса людей, быть может, неопытных в дипломатии, что Российская дипломатическая миссия должна была бы исполнять свой долг до конца вплоть до получения официального предложения болгарского правительства о прекращении своей деятельности и даже вплоть до насилия по выселению из Болгарии Русской миссии, если бы болгарское правительство на это бы решилось. Нет оснований предполагать, что болгарское правительство пошло бы на такие крайние меры и что оно решилось бы даже при создавшейся международной обстановке предложить Русской миссии в официальном порядке покинуть пределы Болгарии. Во всяком случае, если невозможно дальнейшее пребывание в Софии лично А.М. Петряева, представляется необходимым продолжать деятельность Миссии хотя бы в составе второстепенных чиновников. Тот факт, что уже после объяснения А.М. Петряева с г. Кисимовым МИД опубликовало дипломатический список на 1923 год, в котором значатся чины Российской дипломатической миссии во главе с Петряевым, свидетельствует, что болгарское правительство не желает идти на открытый разрыв и что шаги в направлении улаживания конфликта могут достигнуть цели.

А.М. Петряев, возражая А.И. Пильцу, просил верить, что лично ему нет никакого интереса покинуть свою должность, лишиться квартиры и содержания и зимой с малыми детьми уезжать в неизвестность. Раз он пришел к такому непреклонному решению, значит у него были вполне веские и основательные причины. Он имеет совершенно точные сведения, что по отношению к русскому посольству, в случае если оно не уедет, подготавливаются крупные провокационные действия. Возможны, как это было уже минувшим летом, случаи подбрасывания оружия, различной литературы и другие самые разнообразные формы враждебных выступлений в целях дискредитировать миссию. Против действий такого рода он бессилён бороться и не может им ничего противопоставить. Он еще раз повторяет, что само официальное заявление болгарского правительства, появившееся в газетах, является актом провокационным. Включение его, Петряева, и других сотрудников Русской миссии в дипломатический лист на 1923 год после объяснений, которые он имел в МИД, является не более как насмешкой с целью дискредитировать его, Петряева, в глазах его иностранных коллег, но все же и теперь он заявляет так же, как говорил раньше, что он останется в Софии, если болгарское правительство заявит, хотя бы неофициально, в устной форме, о том, что оно не возражает против продолжения деятельности Российской миссии. Что же касается продолжения деятельности миссии в случае его, Петряева, отъезда, то в МИДе к этому отнеслись совершенно отрицательно, заявив, что может быть оставлен лишь только драгоман миссии г. Кулев для охраны здания и архивов. С своей

стороны А.М. Петряев утверждает, что нет никаких оснований предполагать, чтобы болгарское правительство выразило готовность сохранить в дальнейшем деятельность Российской миссии.

На вопросы некоторых из присутствующих о том, каким образом будет организована защита русских интересов и паспортное дело после отъезда Российской миссии, А.М. Петряев разъяснил, что в течение всего последнего времени он ведет беспрестанные переговоры с представителями болгарского правительства в целях наиболее благоприятного разрешения этих вопросов. Правительство отвергло проект устройства смешанного русскоболгарского комитета по русским делам и, повидимому, склоняется к решению передать все дела о русских в административное отделение МВД на общих основаниях с делами болгарских граждан. Вопрос о паспортах, повидимому, будет разрешен вполне благоприятно. Правительство возьмет на себя выдачу русским паспортов по форме, выработанной Лигой Наций. А.М. Петряев считает необходимым, чтобы русские беженцы организовали свой собственный комитет, совершенно аполитичный, исключительно лишь в целях охраны своих материальных и правовых интересов. Он рекомендует представителям русских организаций посетить заместителя министра-председателя, министра внутренних дел гна Даскалова с тем, чтобы представить ему свои ходатайства и соображения по вопросу о судьбе русских беженцев в Болгарии. Согласно заявлению МВД церковь при здании посольства останется в свободном пользовании русских, останутся также в своих квартирах лица, живущие сейчас во флигеле посольства. Главное же здание будет опечатано и передано на хранение драгоману г. Кулеву.

После обмена мнений собравшиеся представители признали несвоевременным посылать такую делегацию к министру Даскалову, т.к. такое посещение как бы предрешает вопрос о том, что вопрос об отъезде решен бесповоротно.

На этом беседа закончилась.

ГА РФ. Ф.5923. Оп.1. Д.28. Л.204-209.

Вопросы и задания:
А. На примере Болгарии покажите, какое влияние на положение российских учреждений, организаций и эмигрантов оказывала внутривнутриполитическая ситуация в стране проживания.
Б. Какую роль в урегулировании статуса российских эмигрантов сыграли "нансеновские паспорта"?
В. Какое, по вашему, место занимали дипломатические представительства в Зарубежной России?

ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА В БОЛГАРИИ А.А. ЭЙЛЕРА

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕЩАНИЯ РУССКИХ ПОСЛОВ В ПАРИЖЕ М.Н. ГИРСУ

5 февраля 1923 г., Париж

Милостивый государь Михаил Николаевич,

В дополнение к личному моему докладу и переданным Вам письменным ходатайствам и материалам русской церкви и русских общественных организаций в Болгарии я имею честь представить нижеследующие разъяснения по вопросу об использовании на нужды русских беженцев в Болгарии сумм в размере 11 млн. левов (приблизительно), составляющей остаток кредита бывшего ранее в ведении А.М. Петряева и находящегося ныне в Софии в распоряжении болгарского правительства. Ввиду совершенно достоверных сведений о согласии болгарского правительства снять запрет с указанной суммы и возратить деньги первоначальному распорядителю кредита, т.е. Совещанию послов в Париже при неперменном, однако, условии расходовать эти деньги только лишь на нужды русских беженцев в Болгарии, представители русской церкви и русских общественных организаций в Болгарии признали необходимым ходатайствовать перед Совещанием послов об отпуске означенной суммы для удовлетворения нужд русских беженцев в Болгарии и уполномочили меня лично поддержать означенное ходатайство. Полномочие мое, подписанное епископом Серафимом и представителями русских организаций, было мною вручено Вам.

В соответствии с теми началами, которые были положены А.М. Петряевым в основание расходования указанного кредита, русские организации в Болгарии полагают необходимым обратить этот кредит исключительно лишь на нужды так называемых "категорийных беженцев", и притом на такие лишь нужды, которые не могут быть удовлетворены обычными расходами отдельных организаций. Категорийными беженцами, нуждающимися в особом попечении при условии отсутствия собственных средств к существованию, мы считаем: инвалидов, больных, детей, студентов, женщин с малыми детьми и престарелых.

1. Инвалидов в Болгарии, по данным Союза инвалидов, до 2 500 человек. Некоторые группы находятся в сравнительно сносных материальных условиях, т.к. обеспечены английским правительством, Лигой Наций или же числятся в списках армии, получая паек. Инвалиды же, эвакуированные в Болгарию в 1920 г. и прибывшие позднее из других стран в одиночном порядке, получают сейчас лишь по 150 левов в месяц, причем члены их

семейств пайком не обеспечены. Наименьшим размером стоимости месячного пропитания при условии котлового довольствия надлежит считать от 350 450 л. в месяц в зависимости от района.

2. Детей, состоящих в русских учебных заведениях, по данным Союза Городов, числится 1 854 человека. За неимением в распоряжении Союза Городов необходимых средств, большое количество детей оставляется за стенами школы. Среди русских беженцев в Болгарии чрезвычайно развиты болезни, вызванные недоеданием и общими гигиеническими условиями жизни. 70 детей русского детского сада в Софии были обследованы врачом диспансера В[сероссийского] З[емского] С[юза], и среди обследованных детей обнаружено 42 скрофулезных ребенка.

3. Студентов в Болгарии находится около 1 100 человек. Из них в Софийском университете зачислено 130 человек. Медицинский и Агрономический факультеты принимают в год лишь по 10 русских студентов. 60 студентов получают за счет профессора Уитимора бесплатные обеды в столовой Красного Креста, и 40 человек за счет того же профессора Уитимора освобождены от уплаты за учение. В Софии имеется оборудованное Земским Союзом общежитие на 60 человек, где студенты за месячную плату в 160 левов получают койку с матрацем, подушкой, бельем и чай (без хлеба и сахара). Этим ограничиваются заботы о русском студенчестве в Болгарии. Не имея возможности учиться в Софийском университете, студенты за неимением средств не могут ехать для продолжения образования и в другие страны.

4. Больных туберкулезом до 1 200 человек. Цифра эта не может претендовать на точность ввиду невозможности уловить для учета всех больных. Количественно и качественно туберкулез прогрессирует в угрожающих размерах. Для борьбы с туберкулезом в распоряжении Красного Креста находится несколько десятков коек в болгарских державных больницах, имеется в Софии небольшая амбулатория попечительство Земского Союза и в селе Княжество санатория Земского же Союза на 44 койки.

5. Количество женщин, обремененных малыми детьми и не могущих потому иметь заработка, в точности не известно. Управление военными контингентами ведет учет лишь семейств чинов армии, выдавая паек неработоспособным членам семейств.

6. Престарелые обоего пола, не способные по возрасту своему к работе, не учтены. Имеется лишь один приют для нескольких десятков стариков, открытый в гор. Кюстендеме ФранкоБолгарским Комитетом.

Независимо от означенных выше категорий беженцев в Болгарии, нуждающихся в помощи, особо стоит вопрос о поддержании в Болгарии

русских православных церквей, служащих ныне сосредоточением религиозной и культурнонациональной жизни русских колоний. Мною переданы Вам две записки о нуждах церкви управляющего русскими православными общинами в Болгарии епископа Серафима.

Переходя к вопросу о порядке разассигнования денег на различные нужды указанных выше категорий беженцев в Болгарии, я считаю долгом отметить единодушное мнение всех русских организаций (выраженное в особом постановлении), что вновь возникший по почину болгарского правительства Комитет по делам русских беженцев единственной своей задачей должен иметь лишь правовую защиту русских беженцев и русских организаций и в компетенцию свою не должен включать работу в областях, уже обслуживаемых отдельными русскими организациями. Таким образом, я формулирую ходатайства церкви и общественных организаций в Болгарии в следующем виде:

1. Остаток кредита, состоявший ранее в распоряжении А.М. Петряева и выражающийся в сумме приблизительно 11 миллионов левов, обратить на нужды указанных выше категорий русских беженцев и русской церкви в Болгарии.
2. Означенный кредит считать дополнительным к основным сметным ассигнованиям, отпускаемым ежемесячно отдельным организациям в Болгарии.
3. Для разассигнования денег на отдельные нужды беженцев и церкви в пределах общей месячной потребности, установленной Совещанием послов, образовать в Софии Совещание в составе дипломатического представителя, представителя церквей, представителя Управления военными контингентами и уполномоченных Красного Креста, Земского и Городского Союзов.
4. Отпуск денег начать с 1-го марта <...>

ГА РФ. Ф.5923. Оп.1. Д.28. Л.171-175.

4

ИЗ ПРОТОКОЛА СОВЕЩАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БОЛГАРИИ

1 марта 1923 г., София

По открытии заседания А.А. Эйлер сделал доклад о выполнении возложенного на него Совещанием представителей русских общественных организаций в Софии 17 января 1923 г. поручения в отношении возбуждения перед Совещанием русских послов в Париже ходатайств... об использовании

11 миллионов, принадлежащих Совещению послов и находящихся ныне в ведении болгарского правительства, на нужды некоторых особенно нуждающихся категорий русских беженцев в Болгарии.

<...>

2. Переходя к поручению об использовании остатка кредита, принадлежащего Совещению послов и находящегося в ведении болгарского правительства, на нужды наиболее нуждающихся категорий русских беженцев в Болгарии, А.А. Эйлер доложил свои беседы по сему вопросу с председателем Совещения послов в Париже М.Н. Гирсом и членами того же Совещения. А.А. Эйлером была оглашена копия его письма на имя М.Н. Гирса, касающегося этого вопроса. М.Н. Гирс указал, что г. Гулькевич в Лозанне ведет переговоры с представителем болгарской делегации г. Коста Тодоровым, который письмом уведомил, что болгарское правительство намерено обратить указанные деньги исключительно лишь на нужды русских беженцев. Затем М.Н. Гирс заявил, что ввиду имеющихся у него сведений о включении в состав Комитета по делам русских беженцев представителя Совещения послов С.Г. Богоявленского он считает интересы сохранности русского фонда в достаточной мере охраненными; что же касается возвращения Совещению послов означенного кредита, то ведущиеся в этом направлении переговоры в Лозанне являются тем единственным способом обратного получения денег, который имеется сейчас в его распоряжении. Ввиду того, что М.Н. Гирс сообщил А.А. Эйлеру, что его приезд в Париж с поручениями от совещания представителей русских общественных организаций в Болгарии вызвал беспокойство среди некоторых русских кругов в Софии и в Белграде, в связи с чем М.Н. Гирс получил даже письмо от генерала Е.К. Миллера, А.А. Эйлер счел необходимым на обратном пути из Парижа остановиться в Белграде для того, чтобы путем личных переговоров разъяснить Главному командованию истинные намерения русских общественных организаций в Болгарии. В беседе с главнокомандующим [Генералом П.Н. Врангелем. Прим. ред.], генералом Миллером и другими лицами Военного управления А.А. Эйлер разъяснил всю неверность и тенденциозность полученных ими сведений о том, что будто бы русские общественные организации в Болгарии домогаются распределить между собой остатки указанного выше кредита и указал, что единственной целью его ходатайств по поручению организаций было добиться скорейшего истребования означенных денег Совещением послов от болгарского правительства и установление такого порядка распоряжения и разассигнования их на месте, который гарантировал бы в связи с обостренной политической атмосферой в Болгарии возможности спокойной работы по оказанию помощи наиболее нуждающимся категориям русских беженцев. Генералам Врангелю и Миллеру А.А. Эйлером были переданы копии его письма на имя М.Н. Гирса.

Князь И.Н. ЛобановРостовский сообщил, что Комитет по делам русских беженцев получил от болгарского правительства в качестве ассигнования 1 млн. левов для оказания помощи русским. Вслед за тем проф. Базанов и он, как члены означенного Комитета, получили письма от заведующего финансовой частью при Главнокомандующем С.Н. Ильина, из коих явствует, что главное командование полагает, что русские члены Комитета принимают участие в расходовании денег из 11 миллионного фонда. Ввиду того, что председатель Комитета г. Трифон Кунев сделал формальное заявление о том, что ассигнованный болгарским правительством 1 миллион не имеет никакого отношения к 11 миллионному фонду Совещания послов, кн. ЛобановРостовский ответил С.Н. Ильину в этом смысле, указав, что Комитет по делам русских беженцев не решился бы принять ассигнование из означенного фонда без ведома и согласия его собственника, т.е. Совещания русских послов в Париже.

Заслушав изложенные выше доклады и сообщения и после обмена мнениями, Совещание представителей русских общественных организаций в Софии постановило: ...3. признать необходимым дальнейшие сношения с Главным командованием по вопросу об использовании на нужды русских беженцев 11 миллионного фонда, учитывая особенно необходимость срочного истребования от болгарского правительства в распоряжение Совещания послов депонированных в Болгарском Народном Банке денег; 4. просить А.А. Эйлера поставить М.Н. Гирса и генерала Врангеля в известность о состоявшихся постановлениях представителей Русских общественных организаций в Софии и вести с ними дальнейшие по этому поводу письменные переговоры.

ГА РФ. Ф.5923. Оп.1. Д.28. Л.176-178.

Вопросы и задания к документам 3 и 4:
А. Каким, на ваш взгляд, был уровень организации оказания помощи российским эмигрантам в Болгарии? Насколько эффективна была эта помощь? *Обоснуйте ваши соображения.*
Б. Из каких источников финансировалось оказание материальной помощи российским эмигрантам в Болгарии?
В. В чем, по вашему, состояли причины "беспокойства" командования Русской армии по поводу использования 11 млн левов, переданных Совещанием русских послов правительству Болгарии?
Г. Какой можно сделать вывод об отношениях (и их причинах) между общественными организациями российских эмигрантов и командованием Русской армии?
Д. Какую роль и в силу каких причин играло в Зарубежной России Совещание русских послов в Париже во главе с М.Н. Гирсом?

**СПРАВКА О ПОЛОЖЕНИИ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В
КОНСТАНТИНОПОЛЕ, ПОДГОТОВЛЕННАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ
ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
А.Л. ГЛАЗОВЫМ ДЛЯ М.Н. ГИРСА**

2 апреля 1926 г.

Доверительно

Общее число русских беженцев в Турции не превышает ныне 4 000 5 000 человек. Не менее 90 % этого числа проживает в Константинополе, а остальные 10 % рассеяны по различным местностям Анатолии, причем в последнее время эти проживающие в провинции беженцы постепенно лишаются своих мест и заработка и высылаются на жительство в Константинополь.

Как и в других местах расселения, русские беженцы в Константинополе в подавляющем числе зарабатывают средства к существованию наемным и поденным трудом. Более или менее крупных предприятий, организованных русскими и дающих постоянный заработок своим соотечественникам, в Константинополе почти не осталось. Одной из характерных особенностей русской беженской колонии в Константинополе является довольно значительное число инвалидов и нетрудового элемента: последовательные эвакуации, сначала в Балканские страны, затем в Соединенные Штаты и в последние два года во Францию, в значительной мере выкачали из Константинополя молодежь и вообще энергичных и способных к физическому труду людей. До настоящего времени помощь такому нетрудоспособному элементу, осевшему в Константинополе, оказывается известными американскими благотворительницами Митчел и Регльс.

До лета прошлого, 1925 г., русские беженцы не были стеснены в праве приложения своего труда и знаний в самых разнообразных отраслях местной экономической жизни. Единственное правовое ограничение, строго соблюдавшееся турками, заключалось в отказе выехавшим за границу белым русским в обратных визах на въезд в Турцию. Весьма неохотно давались турками и разрешения на въезд в Анатолию, но при известной протекции и хлопотах эти разрешения можно было получить. В общем же русским беженцам до лета прошлого года жилось в Турции сравнительно спокойно и хорошо, особой безработицы среди них не наблюдалось и имелись уже коекакие перспективы в отношении устройства значительного числа русских специалистов на ряд крупных государственных и муниципальных предприятий.

Но вот начиная с осени 1925 г. в связи с неудачными для Турции переговорами по Мосульскому вопросу [Спор между Турцией и Великобританией по поводу принадлежности г. Мосул и Мосульского вилайета, до 1918 г. входивших в состав Турции, а затем переданных в состав

Ирака. Прим. ред.], политика турецкого правительства в отношении иностранцев, а в т[ом] ч[исле] и русских беженцев, резко меняется и принимает определенно агрессивный характер. Основываясь на неопределенно отредактированной ст. 4 Лозанского договора, турецкое правительство под видом защиты интересов турок от конкуренции иностранного труда начинает издавать последовательно ряд декретов, лишаящих иностранных подданных права заниматься известными ремеслами и промыслами, а также состоять служащими в целом ряде предприятий, не только государственных и общественных, но и частных. В первую очередь и наиболее болезненно отразилось это на русских беженцах, лишенных и консульской, и иной авторитетной защиты и потому предоставленных всецело самим себе. Хотя путем различных ходатайств, а порою и взяток полицейским властям, и удавалось в некоторых случаях и отсрочивать применение упомянутых декретов, но все же положение создалось невыносимое и безработица среди беженцев резко увеличилась. Сделанные представителями русских организаций попытки проехать в Ангору [Анкара столица Турции. Прим. ред.] и на месте выяснить вопрос о предоставлении русским беженцам известных льгот, кончились неудачей, т.к. такого разрешения на поездку в Ангору получить не удалось. Положение осложнилось и тем, что, начиная с декабря 1925 г., совершенно прекратилось поступление в местном отделении Международного Бюро Труда контрактов на работы во Францию.

Таким образом, наряду с осложнившимся политическим положением и растущей безработицей константинопольская беженская русская колония лишилась единственного места, куда могла она направить свой здоровый и способный к физическому труду элемент. Все это заставило представителей русских организаций в Константинополе обратиться к вновь назначенному на Балканы делегату МБТ гну Шарпантье с настойчивой просьбой поспешить [с] приездом в Константинополь и путем непосредственных переговоров с авторитетными представителями турецкого правительства выяснить положение русских беженцев и постараться добиться для них известных льгот, которые бы позволили беженцам попрежнему работать и не быть в тягость ни самому турецкому правительству, ни местному населению.

В первых числах марта с.г. Шарпантье прибыл в Константинополь. В ряде совещаний с представителями русских организаций г. Шарпантье был подробно ознакомлен с положением русского вопроса в Турции и ему был вручен меморандум, содержащий в себе все те минимальные пожелания, которых желательно было бы добиться от турецкого правительства для урегулирования русского беженского вопроса. Выехавший вслед за этим в Ангору г. Шарпантье имел там ряд совещаний с министром иностранных дел, замещавшим уехавшего в отпуск председателя Совета министров Изметпашу, и с министром внутренних дел. Поездка и переговоры с турками г. Шарпантье не дали никаких благоприятных результатов. Под

несомненным влиянием большевиков турецкие правящие круги заявили о своем совершенно отрицательном отношении к белым русским. Все попытки г. Шарпантье добиться отмены декретов, запрещающих труд иностранцев, в отношении русских беженцев окончились неудачей. Поднятый г. Шарпантье вопрос о продлении для беженцев права политического убежища после августа 1927 г. тоже был резко отклонен. Сам г. Шарпантье не скрыл от представителей русских организаций, что считает создавшееся в отношении русских беженцев настроение в Ангоре угрожающим и безнадежным и советует всем, кто только может и не желает рисковать, покинуть пределы Турции. Со своей стороны г. Шарпантье обещал осведомить о результатах своей поездки в Ангору Международное Бюро Труда и просить последнее выслать в Константинополь возможно большее число контрактных виз во Францию.

О том, в каком угнетенном положении находится сейчас русская колония в Константинополе, говорить не приходится это понятно само собою; необходимо поэтому принять самые срочные меры к возможному усилению эвакуации русских из Константинополя. Осуществить это надо тем более скорее, что пока еще, до осени текущего года, продолжают работу и отделение Международного Бюро Труда, и американские благотворительницы Митчел и Регльс. Последние оказывают денежную помощь всем эвакуирующимся русским, что при наличии виз значительно облегчает эвакуацию. Однако деятельность этих бескорыстных друзей русской колонии оканчивается в октябре с.г., и если не будет использован остающийся до этого срока период, то эвакуация после октября с.г. будет уже значительно осложнена и затруднена отсутствием какойлибо финансовой помощи.

Заканчивая этим свою записку, считаю долгом отметить те конкретные меры, которые необходимо срочно предпринять в отношении русской беженской колонии в Турции, дабы не поставить ее в ближайшем будущем перед совершенно безвыходным положением.

1. Принять все возможные меры в Международном Бюро Труда, чтобы добиться от турецкого правительства отмены или смягчения в отношении русских беженцев всех тех ограничительных распоряжений относительно применения труда, кои установлены в последнее время для иностранцев.
2. Добиться присылки для русских в Константинополь возможно большего числа контрактных виз во Францию (пригодного для физических работ как на фабриках, так и на сельскохозяйственных работах элемента в Константинополе можно считать не менее 1 000 человек). Все необходимые сведения об этих лицах имеются в местном отделении Международного Бюро Труда Constantinopole, Pera, HamalBachi, rue Serkis № 11.

Заведует отделением Николай Андреевич Лемтюгов.

3. Обратить самое настойчивое внимание иностранных правительств на создавшееся для русских беженцев в Константинополе безвыходное положение и ходатайствовать перед этими правительствами о предоставлении, вне правил, возможного числа виз для тех из беженцев, которые по своему возрасту и состоянию здоровья не способны к тяжелой физической работе, но которые подсобным трудом и кустарными ремеслами могли бы просодержать себя в местах расселения более мощных русских беженских колоний.

ГА РФ. Ф.Р5680. Оп.1. Д.70. Л.3941.

6

ПИСЬМО ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ ПО ДЕЛАМ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ, СЛОВЕНЦЕВ В.Н. ШТРАНДТМАНА М.Н. ГИРСУ

7 апреля 1926 г., Белград

Вопрос о расселении русских беженцев, находящихся еще в Константинополе, составляющий предмет Ваших циркулярных сообщений от 19 декабря м.г., 23 февраля и 2 марта т.г., был мною, пока в частном порядке, обсужден с председателем Державной комиссии помощи беженцам проф. А.И. Беличем. К сожалению, состояние денежных средств Державной комиссии не позволяет нам рассчитывать на содействие в крупном размере. Сербы в деле помощи русским и в вопросах приема беженцев всегда руководствовались мыслью о недопустимости подвергать русских людей бедственной жизни на территории королевства, а потому и прием беженцев должен быть в строгом соответствии с теми средствами, которые могут быть отпущены на эту надобность. Рассчитывать на увеличение таковых средств в настоящее время совершенно нельзя. С другой стороны, и заработок приискывается здесь все с большим трудом, а вследствие принятых правительством резких мер к сокращению государственного бюджета многие служащие подверглись увольнению, и надеяться на поступление новых количеств беженцев на государственную службу не приходится. Частные заработки тоже сократились за последний год до чрезвычайно малых размеров. Экономический кризис в стране вызвал целый ряд финансовых крахов, и мне известны многие случаи, когда русские, служившие раньше на государственной службе и ушедшие для поступления ради большего заработка на частную службу, ныне стремятся обратно либо по причине уже состоявшегося краха их фирмы, либо вследствие неминуемости краха в

ближайшем будущем. Но поступить назад на государственную службу теперь никому не удастся.

По моему предварительному мнению, мы можем рассчитывать на прием некоторого количества детей, главным образом в возрасте от 10 до 12 лет. По состоянию наших русских школ в королевстве можно высказать предположение, что они могут быть приняты, не вызывая крупных расходов, ибо школьный аппарат существует и в дальнейшем стоить будет только их текущее содержание наравне с уже имеющимися здесь детьми. Принимая во внимание неизмеримое преимущество воспитания и образования наших детей в русских школах, я считал бы желательным не настаивать перед здешним правительством о приеме взрослых беженцев, если бы этот прием мог отразиться на уменьшении того числа детей, которое могло бы быть помещено в русские учебные заведения королевства. Определить заранее это число весьма трудно, но, во всяком случае, большим оно быть не может. Предположительно могу назвать цифру между 100ми и 200ми детьми, причем я, само собою разумеется, приложу все старания к тому, чтобы цифра эта приблизилась, по возможности, к большему своему пределу.

Немаловажным затруднением при этом являются родители детей, которые, естественно, пожелают следовать за последними в королевство. Ни на какую денежную помощь от Державной комиссии они рассчитывать не должны. Она им оказана быть не может. А вместе с тем рассчитывать на получение службы или заработка вообще тоже весьма трудно по причинам, мной выше изложенным. Только относительно сирот никаких сомнений быть не может, и их, казалось бы, следовало бы направить сюда, ибо нигде они не приобретут все им необходимое для жизни в России в такой мере, как здесь, с полным притом сохранением своей национальности.

О положении русских беженцев в Константинополе меня на днях осведомил заменивший гна Чайльдса в Белграде на посту представителя Международного Бюро Труда Лиги Наций для Балканского полуострова г. Шарпантье, известный по своей деятельности в Польше и проявляющий искреннее желание быть полезным. Он только что ездил в Константинополь и в Ангору для личного ознакомления с условиями, там создавшимися для беженцев после изданных турецким правительством жестоких распоряжений. Г. Шарпантье нашел, что с турками иметь дело нелегко и что к Лиге Наций он встретил со стороны министра иностранных дел Рушдибея остро отрицательное отношение. К счастью, фирма Международного Бюро Труда является для турок более приемлемой, и г. Шарпантье надеется, что гну Морет, одновременно с ним прибывшему в Турцию для организации там Отдела названного Бюро, удастся работать. Результатов этой работы нельзя ожидать немедленно, но месяца через три четыре они скажутся. Ныне важно, чтобы г. Морет мог закрепиться и пустить корни; в дальнейшем можно будет добиваться практической пользы. Что касается распоряжения турецкого

правительства о принятии русскими беженцами с 1 января будущего года либо турецкого, либо советского подданства, то последствия принятия советского подданства предусмотрены в конце памятной записки, приложенной к письму Вашему от 23 февраля. Принятие же турецкого подданства, если судить по словам, сказанным Рушдибеем гну Шарпантье, вряд ли уравнивает новых подданных со старыми. Ограничения предполагаются и в области права земельной собственности, и в праве передвижения.

В Белграде г. Шарпантье будет стремиться к получению согласия королевского правительства на прием некоторого количества беженцев. Он хотел бы убедить правительство допустить около 1 000 человек из Константинополя, принимая во внимание то соображение, что отсюда при содействии Международного Бюро Труда было отправлено за границу значительно большее число русских беженцев. Со своей стороны, я буду убедительно просить гна Шарпантье всемерно способствовать тому, чтобы правительство согласилось на возможно больший прием детей, за которыми, само собою разумеется, поедут и родители, т.е. взрослые беженцы...

ГА РФ. Ф.Р5680. Оп.1. Д.70. Л.2830.

- Вопросы и задания к документам 5 и 6:*
- А. В силу каких факторов и каким образом шел процесс социального расслоения беженской массы?*
- Б. Какие причины лежали в основе расселения беженцев из Турции по разным странам и континентам? Куда и почему текли основные потоки переселяющихся беженцев?*
- В. На примере Турции покажите, какое влияние на положение российских эмигрантов оказывала международная обстановка и внутривосточная ситуация в стране проживания.*
- Г. Сравните правовое и материальное положение российских эмигрантов в Турции, Болгарии и Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев. Назовите факторы, определившие различия.*
- Д. Какую роль в решении проблем российских эмигрантов играла Международная Организация Труда?*

7

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА II ОТДЕЛА РОВС ГЕНЕРАЛА А.А. ФОН ЛАМПЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РОВС ГЕНЕРАЛУ Е.К. МИЛЛЕРУ

26 февраля 1931 г., Берлин

Глубокоуважаемый Евгений Карлович,

Мною получено распоряжение за № 166, касающееся участия офицеров в так называемых "русских" фильмах [В начале XX в. слово "фильм" в единственном числе часто употреблялось в женском роде. Прим. ред.].

Как Вы знаете, принужденный обратиться к стороннему заработку, до марта прошлого года полностью, а с марта частично, я силою вещей применил свой труд именно в этой области и, к большому моему огорчению, х о р о ш о з н а ю условия этого труда во всех его видах, а именно: труд статиста, что тяжело физически, и труд "художественного советника" (консультанта), что тяжело и физически, и морально.

Последний год, благодаренье судьбе, я смог отойти от этого дела, но, теряя послезавтра за сокращением штатов мое место, я принужден опять обратиться к этой нелегкой специальности.

И потому что я знаю условия этого труда, я должен дать разъяснения по содержанию полученного распоряжения.

I. Труд статиста.

Распоряжение указывает на то, что содержание пьесы бывает известно далеко не всегда. Я должен сказать, что статистам содержание манускрипта, по которому ставится пьеса, не бывает известно никогда. И что еще более удивительно, часто и после того, как статист отыграл свою роль, он тоже не знает содержания пьесы, так как он играет в отрывках и не знает совершенно, как они потом будут связаны. Содержание пьесы это постоянная тема разговоров статистов между собой во время работы, и трактование содержания, как правило, всегда неверно.

Поэтому определить заранее, можно ли офицерам принимать участие в качестве статиста, можно только в редких случаях, как, например, если "художественным советником" состоит свой (не иудей), русский и он содержание расскажет.

Уйти во время действия статист по германским законам не имеет права, так как он считается связанным с фирмой договором именно на данный день, и помимо потери заработка, с чем, конечно, можно было бы мириться, рискует отвечать по суду. Еще тяжелее в том случае, если статист, увидя, что содержание пьесы для него не подходит морально, не придет на следующий день, если его, конечно, пригласят. По неписаному закону, введенному в мире немецкой кинематографии наиболее мощной в Европе организацией "Уфа", не пришедшего статиста штрафуют тем, что ровно два года не приглашают на работу. Кара эта выполняется несмотря ни на что с аптекарской точностью. Бывали случаи, когда страдали люди, действительно заболевшие, и я знаю случаи, когда приходили играть заведомо больные, чтобы не попасть под двухлетний карантин. Это все было тогда, когда

русских фильмов ставилось много и была нужда в статистах теперь положение будет еще острее, и ушедший, в сущности говоря, прекращает свою деятельность навсегда.

Таким образом, совершенно правильное по идее распоряжение, очень трудно по выполнению. Бывали случаи, когда и ранее, по собственной инициативе, офицеры делали то, о чем говорит полученное мной распоряжение: так несколько лет назад в Берлине ставилась пьеса "Любовь Жанны Ней", для участия в которой были приглашены представители Союза офицеров и Союза инвалидов и другие офицеры. По ходу действия они увидели, что роль, навязываемая им, аморальна, и все они на второй день приглашения не приняли, и так как второй день по содержанию не был продолжением, то это прошло гладко.

Не могу не отметить, что, по рассказам генерала Шкуро, находившегося в то время в Берлине, ему предлагали потом в этой же пьесе, в своем виде, въехать за хороший гонорар, в кабак верхом. К чести генерала надо сказать, что он не соблазнился гонораром, хотя и нуждался! Это тем более замечательно, что в жизни, в прошлом, он не всегда вел себя так, как подобало его высоким должностям и чинам, и его появление в фильме в предложенном виде не было бы уж таким историческим блефом!

II. Труд художественного советника (консультанта).

Этим трудом в Берлине занимается пять офицеров (в том числе и я) и ряд гражданских лиц всех направлений, между прочим и помощник С.Д. Боткина барон В. ОстенСакен.

В этом случае манускрипт консультанту известен, и он от труда может отказаться (так я лично отказался от постановки пьесы с Распутиным).

Но бывают очень часто случаи, когда содержание поставленной пьесы очень разнится от основного манускрипта, так как именно в этом многие режиссеры видят свое творчество.

И при разворачивании содержания манускрипта могут быть случаи очень трудного положения консультанта, с трудом добившегося того, что его наняли для данной работы, так как конкуренция велика, а русских фильмов мало (особенно теперь).

Приведу примеры, которые знакомы мне по собственному опыту.

По манускрипту, отец, генерал, заинтересовывается девушкой, которую любит его сын. Не зная о любви сына, генерал пытается обнять и поцеловать девушку... Ничего особенно предосудительного в этом манускрипте нет. Бывает, что и генералы увлекаются...

Но режиссер поставил этот "поцелуй" так, что помешавший генералу денщик застаёт девушку на диване, с сильно поднятым платьем, а самого генерала с полурасстегнутым сюртуком и даже более... Словом, картина неудавшегося насилия. Я остановил работу, что само по себе большая дерзость, и доказал режиссеру, конечно, не то, что русские генералы редко позволяли себе что-либо подобное, а то, что по ходу пьесы характер генерала не таков, чтобы так увлечься.

Режиссер меня послушался, чем я сам был поражен. Но это был режиссеритальянец, очень прислушивающийся к мнению консультанта, немецкий режиссер наговорил бы только дерзостей и сделал бы посвоему.

Был у меня и другой случай: по манускрипту, в пьесе два офицера, два друга, по дальнейшему ходу дела один герой, другой злодей. Конечно, между ними женщина, жена героя, который ссылается за то, что возмущен несправедливостью и не перенес оскорбления. Остается злодей и довольно лояльно пытается ухаживать за оставшейся женой, она его отталкивает, пользуясь тем, что в комнату входит оставшийся (?) денщик героя. (Фильма любит эти своевременные "входы"). Все это в общем терпимо.

Но режиссер (русский иудей) во время постановки увлекся и заставил вошедшего денщика избить офицера-злодея, а последнего бежать от побоев... Получилась гнусность, и отговорить "русского" режиссера от нее было невозможно.

Ушедший до конца контракта консультант кончает свою деятельность навсегда и, конечно, отвечает по суду, по содержанию контракта.

Приведу еще случай, который сейчас может случиться: у меня идут переговоры о консультировании пьесы, по содержанию которой германский шпион во время Великой войны шпионит при содействии влюбленной в него жены русского генерала немки по происхождению. По пьесе, генерал замечает предательство жены, нарочно устраивает так, что шпион получает заведомо неверные сведения и передает своим. Через некоторое время генерал его разоблачает и шпион несет законную ответственность. Все терпимо. Но что будет, если по ходу пьесы режиссер передаст героическую роль разоблачителя не генералу, а кому-нибудь из левых деятелей положение будет трудное!

Отказаться ДО начала значит отказаться от работы, которая, вероятно, будет непредосудительна, отказаться во время работы, если она изменится по условиям, значит подвергаться ответственности по суду и остракизму по неписанным законам и навсегда потерять и то, что затрачено и вложено в дело у меня лично собрано около 4 000 русских рисунков и портретов и ряд иллюстрированных изданий! Конечно, есть один определенный выход не

заниматься этим делом вообще. Но жить и пользоваться заработком, чтобы вести наше же военное дело, чемто надо!

Положение получается очень трудно разрешимое.

Я лично, в прошлом и настоящем, учитывая, что в каждой пьесе всегда есть какое-либо большое или малое "но", или, быть может, поставил себе раз и навсегда за правило отказываться от того, к чему стремятся все консультанты: от упоминания моего имени на экране. Я лишаясь необходимой рекламы моего труда, но зато гарантирую себя от неприятных случайностей.

Но это, конечно, не гарантирует от доносов на меня, что соотечественниками уже неоднократно практиковалось во время нахождения во главе РОВСоюза генерала Кутепова!

И потому, что я изложил выше, совершенно разделяя все то, что написано в полученном мной распоряжении, я несколько теряюсь, как применить его к другим и к себе самому. Сама жизнь наша настолько осложнилась, что иногда трудно найти выход. Если на минутку отрешиться от фильмового вопроса и обратиться к другим способам заработка, то и тут встанут большие осложнения и вопросы: так, например, следует ли запрещать офицерам работу в ресторанах и магазинах, торгующих советскими товарами, тем самым содействующих процветанию советской торговли и успеху демпинга?

И, обращаясь опять к фильму, можно столкнуться с вопросом, обратным тому, о котором я говорил выше. Так я отказался (и не жалею об этом) от консультации фильма с Распутиным. Вместо меня наняли русского профессораеврея. Как ни малы вообще возможности консультанта, все же я не сомневаюсь, что при моей консультации вся пьеса была чище и правдоподобнее, чем при консультации этого "профессора" хотя бы потому, что я бы приложил все усилия, чтобы ослабить тенденцию, а он всеми мерами ее усилил.

С точки зрения моей лично осторожности я был прав, что отказался, с точки зрения вообще русского дела, быть может, это и было ошибочно.

Происходит все это с русскими вопросами в фильме исключительно потому, что только современное "русское" правительство и его "дипломаты" никогда не протестуют против поношения русского прошлого и даже всеми мерами это поношение приветствуют и даже само выпускает порочащие фильмы ("Потемкин") все же остальные протестуют (до китайцев включительно), и тенденциозно поставленная фильма может дорого обойтись данной фирме, так как фильм может быть по политическим соображениям или запрещен, или урезан. Кроме "русского" правительства таким же непотворением злу

отличается и австрийское чем и объясняется большое количество фильмов из русской и австрийской жизни.

Прошу принять уверения в совершенном моем расположении и таковой же преданности.

ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 45. Л. 7-10.

Вопросы и задания:
А. Каково было правовое и материальное положение российских эмигрантов, в частности офицеров, в Германии?
Б. Какими, на ваш взгляд, мотивами руководствовался председатель РОВС генерал Е.К. Миллер, издавая распоряжение об участии офицеров в "русских" фильмах?
В. Насколько прочной, по-вашему, была организационная и духовная связь между РОВС и его отделами в разных странах, между руководством военных организаций и офицерами? Аргументируйте ваше мнение.

^[1] Диаспора (греч., англ., нем. diaspora - рассеяние) - значительная часть народа (этнической общности), пребывающая вне страны его основного поселения.

Примечания

- 1 См.: Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. - М., 1977.
- 2 См.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. — М., 1992.; Соколов А.Г. Судьба русской литературной эмиграции в 1920-х гг. — М., 1991 и др.
- 3 См.: Костиков В.В. «Не будем проклинать изгнание...» Пути и судьбы русской эмиграции. — М., 1990; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. — Ставрополь, 1992 и др.
- 4 Люкс Л. К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. Сб. статей. — М., 1993. - С. 93.
- 5 Даватц В. Годы: Очерки пятилетней борьбы. - Белград, 1926. - С. 9-10.
- 6 См.: Зарубежная русская школа: 1920—1924 гг. — Париж, 1924. — С.
- 7 Пешехонов А.В. Родина в эмиграции // Воля России. — 1925. — № 7-8. - С. 124.
- 8 Цит. по: Зноско-Боровский М. В защиту правды. — Нью-Йорк, 1983. —С. 97.
- 9 Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. — М., 1990. - С. 230.
- 10 Международная научная конференция «Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940-е годы» // Сб. материалов. — М., 1993.